

Махлин Я. М., редактор газеты
«Рудный Ковдор» в 1973-1982 гг.

Яков МАХЛИН

*Непревзойдённый мастер каламбуров
Дмитрий Дмитриевич Минаев в середине
девятнадцатого века писал:
«В ресторане ел суп сидя я, /Суп был сладок,
как субсидия...». С субсидиями, то бишь с
обеспеченной жизнью, моему поколению не повезло.
С ресторанами – само собой. Столовались мы в
заведениях попроще, в рабочих столовых, в
столовках. Ущербными себя не ощущали.
«Лопали», как говорится, что давали.*

РЕСТОРАНЫ НАШУ УЛИЦУ ОБХОДИЛИ СТОРОНОЙ

Скабрзность на букву «Р»

Современный анекдот, дама упрекает кавалера:

– Ну что Вы, всё музей да музей. А слово «рэсторан» Вы уже не выговариваете?

Лет семьдесят-семьдесят пять назад мои сверстники и сверстницы не поняли бы соли этой фразы. Название музея, а их в Киеве хватало, могло свидетельствовать об общности вкусов. Было о чём поговорить до и после экскурсии. На лавочке в парке. Голова требовала отдыха и ноги уставали от неторопливого передвижения по залам, обвешанным картинами и заставленным скульптурами. Стулья в залах отсутствовали, единственное кресло обычно занимала пенсионерка-смотрительница.

Ещё неизвестно, как девушка отреагировала бы на приглашение закрепить знакомство в ресторане. В злачном месте! Где проводят время люди, ошалелые от левых заработков, вместе со спутницами, далеко не похвального поведения. Неровен час, новая знакомая слово «ресторан» примет за скрытое оскорбление. Встреча, не начавшись, грозила закончиться навсегда. Хорошо ещё, если без пощёчины.

Пройтись по Склонам (парки вдоль Днепра) под руку уже считалось чем-то вроде интимной близости. А уж поцелуи... Питомицы женских школ строго придерживались совета классика: «Умри, но не отдай поцелуя без любви!». Прикосновения губами к губам считались чуть ли не грехопадением. Или чем-то, приравненным к нему.

На порцию мороженого в парке девушка ещё могла улыбкой отреагировать. Но предложение зайти подкрепиться в «Кукушку» (ресторан на склоне Днепра) могла воспринять, как что-то оскорбительное и скабрёзное. На лексиконе современной молодёжи – аналог приглашения в «койку» сразу после обмена именами. Воспоминание о первом поцелуе, чаще всего случившегося после выпускного бала, врезалось на всю жизнь. Считалось событием.

Я рос в Киеве на Подоле, к северу от Нижнего Вала – границы оседлости для евреев в царские времена. Единственный ресторан располагался на углу Константиновской (тогда Шолом Алейхема) и Верхнего Вала. Повзрослев, познакомился со сверстницей, которая в детстве и юности посещала это заведение чуть ли не ежедневно. Забегала после школы голодной и уходила сытой.

Мама девочки работала в ресторане официанткой, а, может, посудомойщицей. Убирать посуду со столов была её служебная обязанность. Второе, то есть кусок жареного мяса в окружении жареного картофеля украшал гарнир из буряка, капусты, огурцов. Мама девочки эти объедки аккуратно складывала в тарелочку, добавляла кусок хлеба. Гарнир сдабривала постным маслом. Наешься вряд ли, но аппетит утихомиришь вполне.

За углом – единственный в районе книжный магазин. После стипендии или просто так, подышать, забегал часто. Однако ни разу не смог купить не то что Пастернака (его стихи из «Доктора Живаго» опубликовал в 54-ом журнал «Знамя», о чём на литстудиях только и говорили), но Уткина, Светлова, Эренбурга. Даже Симонова, которого постоянно спрашивали девицы, на полках не было...

Запахи улиц родного города

Давно не раскрывал книгу поэта Николая Ушакова об улицах Киева. Не зафиксировал поэт ни одного запаха ресторанов. Зато указал точные адреса производств, где готовилась самая что ни на есть простонародная еда – пирожки с ливером. Например, в полуподвале рядом с Сенным рынком на Большой Житомирской. Давно на месте базара и ларьков, где всегда в ассортименте пиво «с прицепом» (с добавлением ста граммов водки) – сквер с полувековыми деревьями. Базар переселили в крытое здание подальше от центральной улицы. Кажется, и его снесли.

Отец вернулся с войны живым, они с мамой работали. Жили, правда, впятером с бабушкой и братом в одной комнате. С удобствами во дворе. Отец с мамой, как и положено, «дружно подписались» на очередной заём и получали не 12 зарплат в год, а

11. Точно также, меньше на одну двенадцатую, и я получал стипендию все четыре года учёбы.

Хлебные карточки отменили в конце 1947 года. Цены на продукты ежегодно снижались. Сужу по пирожкам с ливером. На первом курсе пирожок стоил 54 копейки, на четвёртом – 40 копеек. В хрущёвскую денежную реформу цены похудели на один нолик, пирожок стоил 4 копейки. Аналогично повели себя цены на базаре, но там царили законы рынка. До реформы за пучок укропа просили 30 копеек, вскоре после – опять 30 копеек, но уже в новом исчислении.

За хлебом, пусть продавали его без довесков, целыми буханками, надо было занимать очередь с раннего утра. Полки быстро пустели. Жители окрестных сёл, покидая базары, увозили домой хлеб мешками. Трудодни в большинстве колхозов отоваривали кукишем без масла.

Девиз: «Кому я должен – всем прощаю!»

С одеждой – того хуже. В Свердловск на экзаменационную сессию почти все годы я ездил в перелицованном пиджаке гэдээровского производства. Прочная материя, костюм смотрелся, как новый. Но перелицовку выдавал второй карман-пистон для носового платка справа. До сих пор стыдно вспоминать, как решил произвести на девушку впечатление и отправился на свидание в выходных штанах отца.

С обувью не легче. Первую же стипендию мама решила отпраздновать входившими в моду штиблетами из брезента на жёлтой микропорке. Обувку пришлось нести сапожнику. Ступни отказывались влезать в туфли, они давили, как деревянные колодки.

Ах, какое это было счастье, когда удавалось купить по госцене туфли чехословацкого производства или костюм, изготовленный в ГДР или в Венгрии. Попадалась и польская продукция лёгкой промышленности, но она вызывала подозрение. Ещё с дореволюционных времён, когда ценилось лондонское сукно, а лодзинское считалось третьесортным.

Зарплата, да ещё северная, позволила купить, наконец, вторую пару обуви и второй костюм. Согрела надежда на очередной тираж облигаций, накопленных родителями в войну и после войны. Но что-то не всплывает вослед за радостью выигрыша возможность отовариться чем-то солидным. Не купить, а достать – термин сопровождал меня до пенсии.

Не очень надеясь на должника-государство, которое добровольно-принудительно брало в долг часть зарплаты, мои родители, выйдя на пенсию, тратили на себя одну из них, вторую – на сберкнижку. Чтобы нам с братом оставить наследство. Насобирали-таки лет за десять по восемь тысяч рублей. На такие деньжищи можно было, если повезёт, купить автомобиль, изготовленный в Тольятти. Опять обвал! На излёте горбачёвской перестройки накопления родителей постигла

судьба денег, одолженных государством в тяжёлые для него времена. Когда мы с братом вспомнили о наследстве и сунулись в сберкассу, наши тысячи сдулись до купонов-карбованцев, затем до гривен и вместо полновесных восьми кусков нам выдали по одной гривне с копейками... С тех пор с государством и финансовыми структурами на деньги не играю.

Сильные мира сего

Месторасположение одного из заглавных ресторанов Киева – я знал. Подходы и лазейки выучил наизусть. Ресторан назывался скромно – «Динамо», располагался на территории одноименного стадиона (знакового по фильму «Вратарь»). Летом пацаны просачивались на стадион загодя, ещё до обеда, пока милиция ушами хлопала. Самым гиблым местом на стадионе был угол, примыкавший к аллее, ведущий на Склоны, рядом с мостом – дипломным проектом будущего академика и отца президента Академии наук УССР Патона. Даром, что дорожки у ресторана густо обсажены кустарником. Тебя, нахального безбилетника, сразу вычисляли, выдворяли за территорию. И прости-прощай каменные лестницы между секторами, позволявшие обзреть всю чашу и порадоваться, когда их Хомич пропускал очередную плюху. У него это получалось куда реже, чем у нашего Зубрицкого. Но видеть, как Хомич достаёт мяч из сетки, было приятно.

Спустя лет пятнадцать-двадцать довелось убедиться, что не только охранники ресторана, но и его ответственные работники в чине бухгалтера и выше, обладали значительным весом.

Прочёл в воспоминаниях великого киевского врача, доктора медицинских наук И.Л. Дегена – героя той войны и поэта. Сын Иона Лазаревича Юрий в семидесятых был единственным евреем среди студентов на физическом факультете Киевского университета.

Означенный факультет окончила дочь бухгалтера ресторана «Динамо». Ответственное лицо в главном ресторане города явно превосходило «товароведа обувного отдела» из весёлой юморески Аркадия Райкина. Девушка спокойно отмучилась на дневном отделении все пять лет. Без блеска, но и без двоек. Как показала её дальнейшая судьба, ни на какую другую должность, кроме учителя физики, претендовать не смогла...

Перефразируя частушку беломорских рыбаков, можно сказать, что ресторан в эпоху тотального дефицита – «Большая сила!». По своим возможностям «выше совнаркома». Воспользуюсь ещё одной устоявшейся фразой минувших лет.

Родители, их родственники, их друзья и знакомые, праздники, семейные и государственные, отмечали дома. Подготовка к приёму гостей – своеобразный ритуал. Перенести торжество в ресторан и тем освободить юбиляров от излишних забот – такая мысль в голову не приходила ни гостям, ни хозяевам.

Достоинства вагона-ресторана

К ресторану, как к месту встреч и бесед, меня повернул лицом Витя Михайлов. Единственный из моих друзей-сверстников, выбившийся в большое начальство. Не в Киеве, на периферии. В Северодонецке, а всё-таки. Он быстро рос, стал заместителем директора большого завода по строительству.

Витя с радостью демонстрировал мне и моей спутнице прелести неторопливого поглощения пищи. Сказалось его пристрастие к театральным жестам. Сцена потеряла мощного представителя (одна блестяще исполненная роль Богдана Хмельницкого в спектакле единственного в столице народного театра в дни празднования трёхсотлетнего юбилея присоединения к России чего стоила!). Человеку не хватало атмосферы кулис. Дежурные сто граммов в горло не шли, если, не находил повода почитать любимого Маяковского, озвучить реплику или сценку из нового кинофильма.

Постепенно я находил дорогу в рестораны. В обеденный перерыв. В получку. Цены днём не кусались. Территория ипподрома давно застроена элитным жильём, в смысле, не бетонными коробками, а девятиэтажками из силикатного кирпича. По выходным, во время скачек и заездов в ресторане обмывали выигрыши, не малые, судя по мебели и люстрам заведения. Кличка у этого дворца общественного питания была странной – «Копытó», с ударением на последнем слоге.

Несколько ближе к людям ресторан сделала железная дорога. Имелась возможность хоть раз в сутки поесть горячего. Вместо воспетых Ильфом с Петровым крутых яиц и пережаренной курицы. Особенно удавались передвижным рестораторам супы под названием «сборная солянка». Не в курсе, чего они туда, окромя обязательных оливок, клали, но еда была и вкусной, и сытной.

Позднее, уже в Мурманской области обед в ресторане перестал быть тратой, опустошающей карман. В тех краях командировочный день оплачивался не двумя шестьдесят, а тремя пятьдесят. Если добавить рубль, к обеду из трёх блюд (с двойной порцией картофеля фри) можно было добавить сто граммов и окончательно сбросить стресс. Новая мурманская гостиница «Арктика» решила доказать, что здесь заботятся о посетителях не хуже, чем в хвалёной Швеции. При фиксированной стоимости обеда убрали с раздачи кассира и прочий контролирующий персонал. Заплатил и ешь, сколько влезет. Поэкспериментировал. Влезло две отбивных и шашлык. Без гарнира. Как на завтра доехал домой, и сколько часов та еда ещё торчала в горле – лучше не рассказывать.

У каждого из нас – свои воспоминания о еде. Все голодные годы той войны вспоминались шалости в детском саду. Нам так надоела манная каша (почему-то она считалась весьма полезной для детского организма), что мы собирались в кружок и соревновались, кто больше этой каши выплюнет... Всю войну эта каша мне снилась.

Когда отменили хлебные карточки, радовались только продавцы. Им не нужно было каждый раз отрезать или добавлять кусочек. А мы так привыкли верить в довесок средних или меньших размеров. Из пропечённой корочки. Его можно было всю дорогу до дома держать на языке.

Столовка – дом родной

Большинство рабочего люда, особенно из общежитий, питалось в рабочих столовых. Их графики совпадали с чередой смен на производстве. Семейные брали с собой на обед «тормозки», но они требовали кучу времени – обежать магазины, выстоять очередь за колбасой, за ста-двумястами граммами. Больше количество покупать не решались – по причине отсутствия дома холодильника. Колбаса из класса варёных. «Докторская» или «ветчинно-рубленая», с прожилками мяса.

Стоила вожаденная колбаса не ностальгические два двадцать, а рубль семьдесят. Волнения в Новочеркасске из-за повышения цен до 2-20 грозили аукнуться на киевском заводе «Арсенал». На передний план вышли экскурсанты резко сокращённого морского политучилища. Они осваивали на заводе рабочие профессии и должности парторгов. В конце обеда, то один, то второй представитель новоиспечённого рабочего класса, выворачивал на стол урну с мусором и отбирал хлеб отдельно, куски колбасы отдельно. Мяса почти до килограмма получалось, цеха-то громадные. Несостоявшийся политрабтник переходил к агитации с пропагандой:

– Если за ту же цену будете брать с собой на десять-двадцать граммов мясного меньше, то аппетит и бюджет семьи не пострадают.

Рабочие столовые заслуживают отдельного разговора. Обычно над ними шефствовал профсоюз. Цены доступные. Хотя, хотя... Преддипломную практику в техникуме я проходил на шахте близ города Краснодона, на Луганщине. В столовой, рассчитанной на аппетиты тружеников подземелья, второе блюдо всегда было мясным. По две порции редко кому удавалось выпросить. Выдавали не мясо, исключительно ливер: печёнку или мозги. Сегодня только печёнка, завтра только мозги. Валика Прянишникова, моего друга и соученика, от печени воротило, я никак не мог ковырнуть вилкой мозги.

Спустя лет шесть, в Хрущёвские времена, после того, как Никита Сергеевич провозгласил, что через двадцать лет, в 1980 году, наступит коммунизм, группа товарищей обсуждала за обедом в арсенальской столовой прогноз руководителя страны. Столовая называлась «Харчевня Квичко» – по фамилии её бессменного директора.

– Представляете, заходим через двадцать лет в любимую харчевню, а первое, второе и компот подают, минуя кассира, за безденьги. Кассиры, наверное, поменяют профессию...

– Ага, прямо в точку! За двадцать лет пища харчевни так отполирует наши желудки, что в животе живого места не останется. Перейдём на воду, насыщенную витаминами и дисперсными белками с углеводами...

Зачастую рабочая столовка была единственной на всю округу. Со свободным доступом, ежели, разумеется, не располагалась на территории режимного производства, каковым считалась 1-я Киевская фабрика, снабжавшая армию кирзовыми сапогами. В таких случаях приходилось выписывать пропуск. Не счесть,

скольких жителей Ковдора, Умбы, Алакуртти, Полярных Зорь и других населённых пунктов полуострова выручала круглосуточная столовая Кандалакшского депо.

У многотысячного завода «Арсенал» – иные финансовые возможности. Завод первым в Киеве попытался разнообразить меню, закупил оборудование и открыл механизированное кафе «Луч». Никаких тебе кассиров и линий раздач, выбирай автомат по вкусу, бросай в прорезь монеты и наслаждайся. В отделе напитков – кофе, чай, соки, минеральная вода. Просто и ясно, пяти или десяти копеек хватит.

Труднее с первым и вторым. Пищевая промышленность не спешила соразмерить объём порции с ценой, то есть выпускать консервы специально для автоматов. Каша с мясом продавалась не за 45 или 50 копеек, а за 49. Дескать, столько стоит банка вместе с содержимым и ни на грош больше. Добавить или отнять пару грамм для округления стоимости – на такую самостоятельность требовалось столько согласований, что консервные заводы махнули рукой на пожелания «Луча» и его поделщиков.

Чем больше монет – тем дороже стоимость монетника и всего автомата. Механизм давал сбои – попадались довольно потёртые жизнью копейки и сбивали с толку. Закрыли кафе тихо и без шума. Эксперимент с автоматизацией рабочего питания не оправдал себя.

Середняк попёр в депутаты

В Ковдоре поминают добрым словом первого директора градообразующего предприятия А.И. Сухачева. Обеденный перерыв он продлил до часа сорока пяти минут. Итээровцы успевали разогреть еду и ещё подремать, чтобы с новыми силами вкалывать. Сказывалась оторванность города от цивилизации. С Большой землёй связывал лишь поезд, один раз в сутки. Вечером можно разве посидеть у телевизора (один канал). Кинофильмы в единственном кинотеатре и в зале ДК меняли не чаще раза в неделю.

К общепиту народ приобщался со школьной скамьи, вернее, с детского сада. Как иначе накормить такую ораву? Столовые привлекали в многочисленные дома отдыха и профилактории. Санатории – другой уровень, особенно желудочные. Еда в них наравне с минеральной водой считалась основным лечением. И в относительно привилегированных Эссендуках, и в демократическом Миргороде.

Где сейчас оздоравливаются работники предприятий, в частности киевских, не знаю. В большинстве заводы и фабрики месте с прощанием с советской властью отказались от непрофильных забот. Против моего дома в Киеве на берегу Днепра, в кирпичном здании, проводили отпуска работники завода «Ленинская кузня». Предприятие осталось, хотя и дважды переименовано, а база отдыха приказала долго жить. Кто теперь обитает в здании – не разобрать. На окнах стальные решётки. Отсутствие вышек с пулемётами сигнализирует: это – не тюрьма.

Прощание с доступным отдыхом происходило на моих глазах. Июль 1991 года, межколхозный дом отдыха на окраине города Короча Белгородской области. Самое что ни на есть Черноземье. Грунтовые дороги в дождь становятся непроезжими, а под солнцем отливают синевой, как хороший асфальт. Партия путёвок досталась жителям Мурманской области. То ли торжествовало заграничное слово «бартер», то ли начальство как иначе договорилось. Для хозяев заведения лето не сезон – все на полевых работах.

Это был фактически санаторий. Грязевые и прочие процедуры способствовали оздоровлению клиентов – механизаторов и полеводов, их натруженных позвоночников, рук и ног. Мы понаходили у себя разные хвори и лежали по полчаса, обмазанные грязью. О питании говорить нечего. Перестройка близилась к финалу, дефицит крепчал по всем направлениям. Меню в столовой возвращало в те счастливые годы, когда в мясе и овощах мы себе не отказывали.

И вдруг – комиссия за комиссией. Из города, из области. Проверяют сигналы за подписью не кого-нибудь, а депутата Апатитского горсовета господина Н. (фамилию тогда же с радостью забыл). Взлетел мужик на волне демократизации, воплотил в новых условиях научную поговорку: «Середняк попёр в аспирантуру».

Господин Н. преподавал у себя дома в музыкальной школе. Наверное, неплохо справлялся на музыкальном фронте, поскольку заимел известность. Прошёл в депутаты и тут же решил, что депутатский мандат заменяет знания, опыт и прочие составляющие. Не знаю, хотя и догадываюсь, как он вёл себя в Апатитах, а тут взъярился на поваров столовой, что потчуют то котлетами, то бефстроганями, и не советуются с ним, чего он лично желает пожевать. Мы, остальные, радовались обильной и вкусной сельской еде, а депутату не хватало разносолов. День возмущался, второй, третий. Пока не натолкнулся на осуждение земляков, включая жителей Апатитов. Не досидел до половины путёвки и умотал. Наводить порядки в других местах. Наконец-то, на нас снизошла расслабуха отпуска.

Недели через три случилось ГКЧП – в чёрное число, 21 августа 1991 года. Не подсчитать, сколько времени нас грели воспоминания о вкусной и сытной еде, не омрачённой пустословием демагогии...

Не так уж и страшно

В первый, а может, в единственный раз, я созвал гостей на семейный праздник в ресторан «Гирвас», повод исключительный – собственная свадьба. Случилось это в Ковдоре. Дорогу в это заведение я уже знал, кормил в нём друзей, приехавших ко мне на край земли из Киева и Симферополя. Дороже, чем в столовке комбината, но расценки вполне приемлемые, и еда вкусная.

Отмечал ли в сопровождении ресторанного оркестра свои персональные даты – не помню. Да как-то так получалось, что именно в этот весенний день оказывался вне дома. Восемнадцатилетие отметил в Краснодоне, на техникумовской преддипломной практике, на 25-летие, вообще, посетил Воткинск под Ижевском. Ездил договариваться

о работе в тамошней многотиражке. В 1973-ем, в свой день рождения, приехал в Ковдор, в 1984-ом в Умбу.

Вкус к празднованию в редакционных стенах мне, вместе с навыками газетной работы, привил Михаил Павлович Семёнов, ответственный секретарь «Арсенальца». Не забыть моего дня рождения, выпавшего на воскресенье. Я, нештатник многотиражки, заливал рифмами очередную тему для фельетона. Вдруг открываются двери, появляется Михаил Павлович с женой Татьяной Павловной, и вытаскивают из сумок кастрюльки, тарелки, рюмки, вилки. Следом на пороге новоназначенный начальник цеха и мой (вернее, я его) соавтор Валентин Николаевич Сахаров. Конец месяца, самый аврал, а нашёл время зайти поздравить младшего коллегу. У Михаила Павловича, уже у него дома, отмечали мою премию «Известий» за стихи. По такому случаю в числе гостей – зав. корпункта по Украине Козлов и корреспондент газеты Филимонов. Отблеск награды падал на их корпункт. Премии раздавал и подписывал сам редактор Алексей Аджубей, всесильный зять Хрущёва и действительно крепкий журналист.

Благодаря двойной зарплате на Крайнем Севере понятие «ресторан» перестало грозить дырой в бюджете. Сошлюсь на авторитета, на писателя Виктора Конецкого, автора увлекательных книг о морях и киносценариев. Таких, как «Полосатый рейс», «Путь к причалу» и «Тридцать три». Виктор Викторович в ресторане опрокинул стол с яствами на очередного экранизатора. Вместе с бутылками, столовыми приборами, едой и рюмками. Сам же расплатился с администрацией заведения за причинённый ущерб. Убытки ресторана в денежном выражении оказались не больше четвертной купюры, 25-ти рублей. Примерно такую же сумму я тратил в месяц из семейного бюджета на покупку книг, самая дорогая из них называлась «Энциклопедическим словарём» и стоила 21 рубль с копейками...